

Искусство чтения

ПЕРЕЧИТЫВАЯ НЕКРАСОВА

НИКОЛАЙ НЕКРАСОВ: ХОРОШИЙ И РАЗНЫЙ

200-летие Николая Алексеевича Некрасова Россия, похоже, практически не заметила. Особенно в сравнении с аналогичным юбилеем Достоевского, вхождению в литературу которого Некрасов, как известно, активно способствовал («Новый Гоголь явился!») и который относился к Некрасову с большим почтением, присутствовал на его похоронах и точно охарактеризовал и поэта («раненное с самого начала жизни сердце»), и его «страдальческую» поэзию.

Да что там Достоевский. Даже 200-летие Афанасия Фета в прошлом году прошло, по ощущениям, громче. Популярности Фета, кстати, Некрасов тоже поспособствовал: хоть и причислил его в заглавии своей знаменитой статьи, наряду с Тютчевым, к «русским второстепенным поэтам». Пренебрежительности и издевки в понятие «второстепенный» Некрасов не вкладывал, используя его как социокультурный термин, стихи же Фета охарактеризовал положительно. Тем не менее «благодарный» помещик Шеншин окрестил «Некрасовым» ослика, на котором гордо разъезжал по своему имению. Несправедливо. Вот и сейчас многие, к сожалению, относятся к Некрасову как к фетовскому ослу. Или вообще никак не относятся.

Думая о природе забвения фигуры Некрасова в юбилейный для него год, вспоминая слова Пастернака о Маяковском, которого после его самоубийства «стали насаживать принудительно, как картошку при Екатерине». В советское время Николай Некрасов выступал исключительно в качестве «поэта-гражданина», защитника угнетенных и так далее и в этом качестве эстетически был сколь безопасен, столь и бесполезен. Кстати, Маяковский сам чувствовал с Некрасовым глубинное родство по линии «жизнетворчества». В «Юбилейном» Маяковский обращается к Некрасову дружески, по-домашнему и удостаивает предшественника соседства на поэтическом олимпе с собой и Пушкиным:

А Некрасов
 Коля,
 сын покойного Алеши, —
 он и в карты,
 он и в стих,
 и так
 неплох на вид.
 Знаете его?
 вот он
 мужик хороший.
 Этот
 нам компания —
 пускай стоит.

Удивительно, что открыли Некрасова для двадцатого века отнюдь не «пролетарские поэты», которым вроде как «полагалось» следовать по его стопам, а, казалось бы, бесконечно далекие от него эстетически символисты. Именно они оценили произведенный им переворот в самой культуре стиха, просодическую глубину и разнообразие узаконенных им в русской поэзии «рыдающих» трехсложников. И не только оценили и осмыслили, но и продуктивно переняли: Блок написал свою выматывающую душу «Железную дорогу», а Белый вообще посвятил памяти Некрасова целый сборник, насквозь пронизанный некрасовскими мотивами, аллюзиями и реминисценциями, — «Пепел».

Некрасов, как это ни странно, стал важной фигурой для Серебряного века в целом. Этому немало поспособствовал неутомимый исследователь и пропагандист его творчества — Корней Чуковский. Работы Чуковского о Некрасове (в частности, классическое, итоговое «Мастерство Некрасова») — образец сочетания фундаментального литературоведческого анализа с остротой критического слова и высочайшим градусом мысли. Зацепившись за какую-то частность, мелкий нюанс, Чуковский дедуктивно выходит к освещению краугольных оснований личности Некрасова и его поэтики (у Чуковского они даются в нераздельном единстве). Читаются эти статьи как потрясающий остросюжетный литературный детектив. Желающих освежить для себя многостороннюю индивидуальность Некрасова (поэта, редактора, культуртрегера, картежника, скандалиста, стратега), счистить с нее «хрестоматийный глянец» — я в первую голову отослал бы именно к Чуковскому. А во вторую к замечательному филологу Борису Корману, показавшему нам Некрасова как мастера лирического перевоплощения и виртуоза «ролевой лирики».

Энтузиаст Чуковский даже создал «некрасовскую анкету», на которую попросил ответить ведущих поэтов, писателей, художников начала двадцатого века. Получился впечатляющий документ эпохи, ведь говоря о Некрасове, творцы Серебряного века неизбежно говорят «о времени и о себе». Вот лишь несколько показательных цитат: «Некрасов поэт гениальный, и техникой он владеет великолепно, но с точки зрения еще переживаемых нами узких эстетских теорий его техника не понята и не может быть понята, как не может быть понята техника былины и песни» (С. Городецкий); «Вы знаете, я часто читал и здесь, и люблю — это — пение: язык кованный, стильный, широкий — требует широких легких» (И. Репин); «Замечательно глубокое дыхание, власть над выбранным образом, замечательная фонетика, продолжающая Державина через голову Пушкина» (Н. Гумилев).

Мне представляется, что сегодня Николай Некрасов актуален не менее, чем столетие назад. Актуален во всех своих многомерных ипостасях. Как человек, сделав-

ший сам себя, пошедший ради своего призвания против самодура отца, пробившийся к «мечтам и звукам» через многолетнюю нищету, когда не было даже чернил для написания грошовых театральные рецензий и приходилось заменять их разведенной в воде сапожной ваксой. Как человек горячий, ошибающийся, но даже в своей «беснравственности» (в которой Гумилев видел «лишнее доказательство его сильного темперамента») способный к подлинному раскаянию, к пронзительной исповеди («Не торговал я лирой, но, бывало...», «Последние песни»). Как потрясающий лирик, показавший нам тeneвую, бытовую сторону любви («если проза в любви неизбежна, так возьмем и с нее долю счастья»), давший удивительные метафоры для выражения души природы («Зеленый шум»), срастивший острейший лиризм с широким дыханием эпоса. Да и как заступник народный, честно пытающийся разобраться в том, «кому на Руси жить хорошо», тоже актуален. Ведь как спел другой «жестокый талант», унаследовавший подлинность некрасовского надрыва: «Надо, надо сыпать соль на раны: чтоб лучше помнить — пусть они болят».

Константин КОМАРОВ